

Элина Градова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Его Величество

БОМЖ

Его Величество

Элина Градова

Его Величество бомж

«Автор»

2026

Градова Э.

Его Величество бомж / Э. Градова — «Автор», 2026 — (Его Величество)

Я работаю медсестрой приёмного отделения достаточно давно, чтобы устать впечатляться и удивляться на пациентов. Тем более, если передо мной грязный бомж. Но только не в этот раз! И мне почему-то не всё равно! Чувствую сердцем, что человек в беде! Я сказала сердцем? Боже! А сердце-то тут причём? Только его не хватало впутать в эту историю!.. Похоже, я влипла! Но хоть бы не безответно!..

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	11
Глава 5.	13
Глава 6.	15
Глава 7.	17
Глава 8.	19
Глава 9.	21
Глава 10.	23
Глава 11.	25
Глава 12.	27
Глава 13.	29
Глава 14.	31
Глава 15.	33
Глава 16.	35
Глава 17.	37
Глава 18.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Элина Градова

Его Величество бомж

Глава 1.

– Стой смиренно! Ах, ты, стервец! А ну-ка, бросай тряпку! Я, что сказала! – Никитичну, как обычно слышно издали, нашей санитарке микрофона не нужно, чтобы весь приёмник поднять по тревоге.

Кого это она там воспитывает? Отлучилась на пять минут, а уже какое-то происшествие.

Выбегаю к дверям тамбура, ну точно! Привезли бомжа! Что за невезуха? Как наше дежурство, так обязательно грязи притащат! Конечно, Никитична в гневе, ей же вся чёрная работа достаётся! Я сама отсанитарилась четыре года, пока не получила диплом. Прекрасно её понимаю, кому понравится отмывать грязного, завшивленного, вонючего мужика, к которому страшно прикоснуться?!

Вот и теперь чумазое нелепое чудовище, ростом метра под два, которое она уже успела раздеть догола, как и полагается, вместо того, чтобы отдаться в её руки, вооружённые в данный момент баллончиком с аэрозолем от паразитов, жмётся к дверям, да ещё и прикрывает причинное место половой тряпкой, подобранной у входа.

У входа холодрыга, на улице сегодня все тридцать ниже нуля, от дверей так и тянет льдом, они заиндевели даже с внутренней стороны. Сама Никитична в стёганной жилетке поверх халата, да и я косынку с плеч не снимаю, а это синюшное привидение уже практически прислонилось к инею спиной, сейчас ещё примёрзнет, и нам отдирать придётся!

– Ну-ка, быстро вылез оттуда! – командует неумолимая санитарка, в своём желании поскорее победить всех зверей на теле бомжа, в том числе и в тех зарослях, которые он прикрывает ниже пояса. Она выдирает из его рук тряпку, – я и до туда доберусь, паршивец! Иш, прикрываться надумал! Чего я там не видала?!

Все нападки Никитичны бомж сносит молча и смиренно, но по-прежнему топчется на ледяном пороге и тряпку не отдаёт. Тем комичнее картина: Никитична, представляющая собой колобок на ножках, доходит ему едва ли до груди.

Наглядевшись на всю эту возню, решаю легализоваться. Пока стояла у противоположной двери поодаль, ни санитарка, ни наш новый гость не замечали меня, но, чувствую, пора брать дело в свои руки,

– Ну, что, Анна Никитична, никак совладать не можешь? – спрашиваю участливо. Она тут же поворачивается в пол оборота, призывая меня в свидетели, вероломного неподчинения властям! А Никитична – самая что ни на есть власть в нашем отделении, особенно в ночную смену, когда нет ни руководства, ни заведующего, ни даже дежурного врача поблизости. Главней только я – дежурная медсестра. Охранник и лифтьёр не в счёт: один вечно спит, второй вечно подшофе.

Да и я-то главней нашей матёрой санитарки лишь формально. Что мои двадцать пять по паспорту и пятьдесят на весах, по сравнению с её авторитетными шестьюдесятью и полновесными восьмьюдесятью пятью – так, пустой звук! Однако, видимость субординации она всё же соблюсти готова,

– Видала, молодца? – машет баллоном в сторону бедолаги, которого уже бьёт крупной дрожью то ли от холода, то ли от ужаса перед расправой нашей боевой леди.

И я наконец-то поднимаю глаза и начинаю разглядывать внимательней её жертву. Он, конечно, безумно грязный, лицо чумазое, обросшее, борода свалылась клоками, волосы не стрижены миллион лет! Это сколько же времени надо бомжевать, чтобы отрастить лохмы ниже

плеч? Худющий, рёбра и ключицы торчат, как у учебного скелета по имени Костя в анатомичке нашего медучилища. Сутулится, но даже так, видно, что ростом очень высок. Тело всё в ссадинах, синяках и расчёсах. Под ногтями чернозём. Где и наковырял в январе?

Пытаюсь определить возраст, вглядываюсь в лицо, да что тут поймёшь, когда он зарос чуть ли не до глаз? Но сквозь щажобу вижу, что взглянув на меня, краснеет от стыда, и одновременно распрямляется, становясь ещё выше по сравнению с невысокой санитаркой. А глаза!

Глаза... Как только поднял их на меня, сначала ища защиты от безумной бабы, потом умирая от неловкости, а ещё через миг, преодолев её, в отчаянной обречённости, будто хуже быть уже некуда, застыл внутри себя, заставляя усилием воли отстраниться и принять данность, я замерла!..

Всяких бродяг повидала за время работы: грязных, озлобленных, спившихся, наркоманившихся, потерявших человеческий облик, можно сказать, нелюдей, вороватых, которым лишь бы стащить, что плохо лежит, и ни стыда не совести. Про таких один ответ: как волка ни корми, а он всё в лес смотрит.

Нам без разницы, всё по протоколу, обработать, отмыть, вызвать дежурного доктора, а там пусть решают, куда такого пациента отправить. Есть болезни – лечить, нет, значит, про-трезвел, проспался и на выход. Зима не зима, у нас не санаторий и не ночлежка!

Но такие удивительные глаза вижу впервые: бездонные голубые, нет, синие колодцы, в которых тaitся, но всё равно, выплётскивается через край боль, стыд, вина, бессилие, что-либо изменить и, в то же время, человеческое достоинство и... сила. Вот, как так? И что-то во мне щёлкает...

Глава 2.

Нет, я не бесчеловечна. Но всех не пережалеешь, сердца не хватит, да и не каждого хочется жалеть. Может, это уже профессиональная деформация, но ко всему привыкаешь, и к боли, и к крови, и к смерти. Придешь домой после смены, поешь и спать ляжешь спокойно, и заснешь, и забудешь.

Но вот этого, с его бездонными колодцами, что глядят сейчас на меня, как на последнюю свою надежду, и в то же время стыдятся, забыть не смогу! Если отвернусь сейчас и дам Никитичне совершить над ним поругание, а в его глазах именно так и читается, чего он ждёт от санитарки, не прошу себе!

– Анна Никитична, передохните немного, там чайник вскипел, заварите с травками, как Вы умеете, а я пока сама с ним разберусь, – забираю баллон с аэрозолем у оторопевшей боевой подруги, – не сомневайтесь, мы справимся, – говорю ласково и спокойно. То ли бабу успокаиваю, то ли странного клиента.

– Ну, зови, если что, – даёт наказ Никитична и, несколько раз оглянувшись, в глубоком сомнении удаляется.

Я немного медлю, смотрю, как леший, а именно так сейчас хочется его назвать, затравленным взглядом провожает своего врага. А когда Никитична исчезает за поворотом, протягиваю ему руку и говорю, как можно спокойней,

– Идём! – и великан послушно хромает за мной.

Завожу его в душевую. Не в ту, что для персонала, а в специальную, для обработки пациентов. Она у нас без внутренних замков, чтобы не запереться изнутри, зато, снаружи вполне солидная защёлка. Если, какие буйные находятся, то эта душевая за место карцера служит.

В помещении широкий квадратный поддон на манер бассейна с бортом шириной в два кирпича и высотой примерно в пять, облицованный однотонно-голубым кафелем, от оттенка которого, становится ещё холодней, душевая лейка на длинном шланге и тут же уборная. Словом, всё под руками, и никаких отдельных предметов мебели, сплошной монолит, чтобы невменяемый товарищ, кои попадают периодически, не смог нанести увечий ни себе, ни персоналу.

– Садись! – указываю ему на бортик поддона, ногами вовнутрь. И включаю тёплую воду, пускай его несчастные ступни начинают отогреваться. Горячую нельзя, там, в сосудах, возможно кровь так заледенела, что от резкого перепада температуры начнёт сворачиваться, образуя тромбы и разрушая клеточные стенки.

Он исполняет, наконец-то отбросив свой фиговый листок в сторону и зажавшись. Надев длинные толстые перчатки, команду,

– Закрой глаза и не открывай, пока не разрешу, – жмурится, а я начинаю опрыскивать его отравой для вшей и всякой подобной живности. Пока он ничего не видит, нагибаюсь сбоку и покрываю аэрозолем всё то, что он так тщательно спасал от глаз Никитичны, мужчина делает защитное движение, останавливаю, – не надо, не зажимайся, я не гляжу, – и он останавливается. С трудом, но сдерживается, вцепившись руками в бортик, а потом, как бы отрешается, отключает эмоции, будто это происходит не с ним, и вижу, что пальцы ослабляют хватку.

– Вот и посиди пять минут, потом всё смою, и сможешь открыть глаза.

Пока он так беззащитен, ничто не мешает разглядеть моего подопечного. Он сильно истощён. Судя по слишком неестественно белым ступням, особенно пальцам, предполагаю, что получил обморожение, надеюсь, не сильное, иначе, пальцам придётся сказать «пока». Интересно, в чём он был одет? Наверняка не по сезону. Впрочем, теперь уже не важно, Никитична всё упаковала и благополучно отправила в мусорный контейнер.

Тело в расчёсах, это, разумеется, от грязи и кровососов. Не мудрено. Где он спал? В каком-нибудь подвале или под трубой теплотрассы? Там помимо вшей, ещё и клопы, и кошачьи блохи водятся, бррр! Но тут поправимо. Из видимых серьёзных повреждений, только подозрительно мраморные пальцы ног. Ну и, как у любого бродяжки – истощение.

Сидит спокойно, вижу, что тело покрылось мурашками от холода, не мудрено, отопление не фонтан, а сидеть на холодном кафеле – не на печке. Но он смирен.

Выдержала положенное время и переключила тёплую воду через лейку. Здесь можно и погорячее сделать.

Глава 3.

Загнать бы его на середину поддона, пусть сам под краном барахтается с закрытыми глазами. А сейчас ещё и отходняк начнётся в отогретых конечностях, тогда вззоет!

Будь кто-то другой, так бы и сделала, но как представила глаза, стало жалко его до щемящей боли, и только попросила опуститься с бортика, чтобы за края не брызгать, и принялась смывать отраву сама, благо, что в перчатках.

– Нагнись вперёд, – он слушается.

Выполоскала всё, потом нацедила из баллона, прикрепленного тут же на стене, гигиенического мыла ему на волосы,

– А, теперь давай сам, не промоешь, ещё повторим, – стал мыть, всё молчком. Старательно промывая свою конскую гриву.

Сполоснула из лейки,

– Вот тебе мыло, – подаю хозяйственное, – губка, – у нас так-то щётки для этого, но тут была новая для мытья раковины, её и подала, – я выйду, а ты, чтобы отмылся дочиста! – он кивает и сползает в середину бассейна, – как всё сделаешь, зови.

Ухожу, предварительно закрыв его на защёлку, отмериваю двадцать минут времени на все процедуры. А пока надо хорошие ножницы найти да отсандалить ему эти патлы вместе с бородой. Чтобы строить из себя рок-звезду или преподобного отца, надо ночевать не под забором и ванны принимать регулярно.

– Анна Никитична, – заглядываю в кандейку к санитарке, – а помнишь у нас ножницы в столе лежали большие, острые?

– Помню, – отвечает, а сама сидит чайк из блюдечка цедит, аж пар от неё идёт, согревается, – я давеча полотно стригла на тряпки половые, сейчас найду. А тебе почто?

– Хочу бомжу космы оканать, пока новых друзей себе не завёл.

– Танюшка, а не шибко ль ты за него взялась? – ох, у Никитичны глаз намётан, – не дело это! Смотри, не прикипи к бомжу-то!

– Ну, нет! Анна Никитична, – укоряю опытную даму, словно, она какую крамолу обо мне подумала, – просто Вам же тогда придётся, его в отделение не возьмут с такой шевелюрой. Ладно бы нормальный человек был, а бомжа точно не примут, скажут: на кой нам тут рассадник нужен!

– И то, правда, – соглашается, встаёт из-за стола, – пошли за ножницами.

Возвращаюсь в душевую, прихватив с собой нужный инструмент и старую простыню, что Никитична припасла на ветошь. Прежде чем войти, прислушиваюсь. Вода вроде уже не шумит, не иначе отмылся болезный, но меня не зовёт. Стучусь тихонько, в ответ тишина. Отпираю, заглядываю.

Сидит сиротинушка на бортике, ссутулился и мёрзнет. Завидев меня, сразу распрямляет плечи и глядит уже уверенней. Мокрые пряди откинута со лба назад, так что открывают лоб незнакомца. И я невольно подмечаю, что он высок, красив, правильной формы и даже сказала бы, аристократичен. На нём нет возрастных морщин, только две вертикальные полоски над переносицей, которые и образовались-то именно сейчас, при виде меня, заставляя его напрячься.

– Ты чего, молчишь-то, мил человек? – спрашиваю укоризненно, – а если бы я чаю попить ещё присела, так бы и куковал здесь? – он только глазищи свои на меня уставил, но по-прежнему безмолвствует, – не иначе обет молчания дал? – шучу. Уж не знаю, как и разговорить, но странно это, по глазам видно, что не дурачок, что велю – исполняет, но не то чтобы слово молвить, даже не мычит!

– Ладно, горюшко, молчишь, Бог с тобой, давай красоту наводить. Я, конечно, не мастер, но под горшок, думаю, сумею, – беру его ещё сырую гриву в руку, он не спорит, но когда вынимаю из кармана халата ножницы, шарахается, как чёрт от ладана!

– Да ты что?! – не понимаю, чего испугался, – я ж не горло перерезать собираюсь, а всего лишь мочалку твою укоротить! – но он уже отскочил на середину поддона, наплевав на наготу, и выставил ладонь вперёд в запрещающем жесте.

Причём, понимаю, что не совладать мне с ним, как бы ни был загнан ситуацией в угол, но позволить покуситься на сомнительную красоту не даст. А он ещё вдобавок мотает головой отрицательно, а сам волосы за спину спустил и сзади прижимает их ладонью,

– Пожалел? Во даёт! – поражаюсь, – Это ж волосы, не зубы! Отрастишь, когда нормальным человеком станешь, а пока бомжуешь, так вообще бы наголо побрить не мешало!

Но странный мужик только исподлобья хмуро глядит на инструмент, словно в моих руках опасная бритва, которую собираюсь приставить к его горлу. И я решаю проверить, он вообще, принципиально против процедур с волосами, или только шевелюру бережёт?

Опасной бритвы у меня нет, конечно, но одноразовый станок найдётся. Тут же на полочке и лежит. Беру, показываю ему на вытянутой руке, потом демонстрирую, как дикарю, на себе, будто бы бороду брею,

– Это-то можно? – он изумлённо разглядывает диковинку, жестом просит подать ему. Подаю. Крутит, вертит, даже принюхивается, потом возвращает, вроде бы не испугался. А я думаю,

– Из каких джунглей тебя к нам занесло, Маугли? – и кажется, даже говорю это вслух! Быстро меняю тему, – побреем бороду? – он кивает согласно, думаю, про Маугли не понял, – ну, коли так, ползи сюда!

Приближается. Я накидываю ему на плечи простыню,

– На-ко, прикройся, а то заиндевеешь скоро, – он тут же заматывается в полотно, как может, озяб бедолага.

Поворачиваю его лицом, так что он теперь по другую сторону бортика, под слегка отогретые ноги толкаю резиновый коврик, всё лучше, чем кафель. Опять вынимаю ножницы, у него такая окладистая борода, что сотню станков потратишь, пока сбреешь. Предвосхищая реакцию, сразу берусь за подбородок, он понял и не сопротивляется,

– Ну, вот и славно, – разговариваю, как с маленьким ребёнком, которого первый раз привели к парикмахеру, – сейчас побреемся, и станешь сразу красивым! Хороший мальчик...

Глава 4.

Он безропотно терпит, пока я щёлкаю ножницами в опасной близости от лица и, вообще, проявляет полное равнодушие к процедуре. Даже странно, я сначала думала, он ножниц испугался, ну мало ли, что в его жизни с ними связано, но выходит, ошибаюсь, он именно волосы на голове жалеет.

На ум приходит библейская легенда о Самсоне, непобедимом богатыре, чья сила таилась в волосах, которые он не стриг с детства. И я рассказываю бомжу про то, как герой, влюбившись в прекрасную Далилу, доверил ей свою тайну. Она же коварно воспользовалась этим и лишила его волос, отчего он потерял силу и попал в плен к филистимлянам. Слушатель мой очень внимателен и, уверена, понимает.

Наконец, всё что можно, сострижено, я оставила ровно столько длины, чтобы сформировать красивую бородку, которая будет сочетаться с причёской и, вспенив немного жидкого мыла, перехожу конкретно к бритью на лице, освобождая его от излишних зарослей. Но и так уже ясно, что человек молод, по виду едва ли ему тридцать, если привести в порядок и откорректировать, пожалуй, нет и тридцати.

Для удобства, велю приподнять голову, он, не имея возможности отвернуться, упирается в меня взглядом. Я стараюсь переключиться на поле своей деятельности, но невольно пересекаюсь. У него удивительные глаза: здесь при ближайшем рассмотрении на ярком свете они не голубые и не серые, а какие-то сине-фиалковые. И взгляд вдумчивый, глубокий. Ну не бомж он, не бомж!

С такими глазами только два пути: или повелевать миром, или удалиться от него, чтобы познать нечто большее и впоследствии быть причисленным к лику святых. Невольно идя за этой мыслью, анализирую, что на иконе бы он смотрелся вполне гармонично: пронзительно-печальный взгляд, правильной формы мужской нос, лицо овальное, и бородка не для скрадывания дефектов, он действительно хорош.

Но смирения в мужчине нет! Я же успела уловить в этих глазах и смятение, и протест, и гнев, и ещё палитру быстро сменяющихся эмоций, абсолютно чуждых для человека, отринувшего суетное, мирское...

Уфф, побрила! Я побрила бомжа?!!!

Думала, дыру во мне прожёт своими синими брызгами, будоражит. Бомж будоражит! Офигеть, невозможно такое!

Но ничего, держусь, а он ведь и глаз не отводит, словно забыл, что сидит абсолютно голый и весь в моей власти, как будто, кто-то другой проснулся внутри, и этот другой вовсе не так покорен, просто позволяет делать с ним то, что не претит его душе.

И ещё помимо моей воли, организм своей женской сущностью считывает и посылает сигналы, что передо мной мужчина в полном расцвете сил и детородного возраста, и взгляд его именно соответствует данному определению.

К этому времени и волосы незнакомца просохли. Демонстративно кладу ножницы на бортик купели и предлагаю,

– Давай, хоть косу заплету, что ли, иначе в отделении заставят состричь, а так может, не сильно внимание привлечёт.

Он тут же преображается, теряя мужскую заинтересованность и, нехотя поворачивается спиной, ножницы в его поле зрения, и непонятно почему сжимается весь, напрягая спину и плечи, будто ждёт удара сзади. А я снимаю перчатки, с волосами в перчатках не поработаешь, достаю из кармана гребень, который припасла в помощь себе для стрижки, вот глядишь, всё-таки пригодился, и начинаю потихоньку расчёсывать с концов его колтуны.

Кто бы мне сказал, чего я так нянчусь с бомжом? Приворожил, что ли? Для самой загадка.

Я вообще-то, довольно брезглива, конечно, насколько позволяет профессия медицинской сестры приёмного отделения. Работая здесь, с чистыми руками остаться невозможно. Ну, так на то, есть перчатки, маска и ещё куча всяких дополнительных средств, в случае необходимости. И я ими никогда не пренебрегаю. Одним санитайзером руки столько раз за смену обрабатываю, что потом тонну крема надо вымазать, чтобы кожу восстановить. А потому, без надобности, никогда ничего и никого руками стараюсь не трогать и в лишний контакт не вступать.

Но есть в сегодняшнем пациенте, нечто такое, что притягивает. С одной стороны, беспомощность, но с другой, я чувствую, что он не так прост и вовсе не слабак, только не ясно, врёт моя интуиция на этот раз или нет. Она у меня такая переменчивая дама, врёт и не краснеет, а я потом выпутываюсь из историй!..

Глава 5.

Наконец, справившись с его почти дредами, рассматриваю, что мы имеем. Не хило: волосы цвета льна, гораздо ниже лопаток, довольно густые,

– А, ну-ка глянь на меня! – он разворачивает вполборота лицо, и я нахожу очень органичную эту причёску к его типу. Ну чем не благородный рыцарь времён средневековья: рост высокий, ширина плеч впечатляет, вот только ужасная худоба мешает воспринимать его благородным рыцарем, скорее, рыцарем печального образа, – ладно, – разворачиваю опять спиной к себе, – пойдёт и так.

Берусь за волосы и начинаю плести, потом, думаю, на конце перехвачу аптекарской резинкой, и не расплетётся, будет вполне опрятно. Печальный рыцарь напряжён так, будто ждёт, что я его сейчас чем-нибудь огрею между лопаток. С чего бы?

Но, как только делю всю массу волос на три части, понимаю, в чём дело, и сама застываю в напряжении.

По мере того, как открывается шея, вижу, что с ней что-то не так,

– Что это? – сдвигаю всю гриву в сторону и кверху. А у него от затылка, захватывая самый выпуклый седьмой шейный позвонок, до самых плеч, и даже ниже, стекая сужающейся нитью между лопаток, вся кожа расписана в совершенно непонятной технике.

Изображения неизвестных букв причудливо сплетаются в вензель, обрамлённый с обеих сторон ветками плетущегося растения, а снизу картину завершают скрещённые между собой не то сабля с рапирой, не то шпага с каким-то длинным клинком, я в этом не разбираюсь.

Да и Бог бы с ним! Мало ли сейчас татуировок всяких делают и однотонных и цветных, но это не тату! И не клеймо. Не понимаю, как оно выполнено. Касаюсь пальцем, поначалу кажется, аппликация наклеена. Поцарапала ногтем, парень ежится и пытается отстраниться.

– Больно? – уточняю. Как обычно, в ответ тишина. Стараюсь подцепить с краю, но аккуратно. Рисунок однотонный бело-металлического оттенка. И если бы мне было всё равно, или я считала, что такое возможно, то больше всего это похоже на вышивку гладью серебряными нитями по коже!

Но ведь это же бред! Кто вышивает по живому? Кто позволит на себе такое сделать? Да и если бы сделать, то выболит это место, выгниет всё, организм отторгнет, хоть самым золотом расшей!

Одно дело пирсинг, уши проколоть, пупок, мало ли чего ещё, но чтобы сплошняком, сквозь кожу протащить столько нитей в одном месте, пусть и серебряных, никакое живое тело не смирится.

Гляжу, как зачарованная, на это красивое безобразие и молчу. Провожу пальцами, точно нити, хоть и достаточно мягкие, но явно металлизированные, ни о чём подобном слышать не приходилось. Это что? Новая мода что ли, простые тату уже не катят, и разные экзерсисы над собственным телом вышли на новый уровень?

– Что это? – повторяю вопрос, но какой смысл спрашивать, он сидит, как кол проглотил, – ладно, не хочешь, не говори, давай хотя бы прикроем красоту.

Делаю косу у основания пошире и порыхлее, так чтобы под волосами всё скрыть. Как доплела, передаю кончик ему,

– Подержи, сейчас резинку принесу, – он вместо косы перехватывает мою ладонь и целует в самом центре долго и нежно и так благодарно, что у меня комок в горле, да ещё и глядит так, будто я ему жизнь только что спасла.

Стою столбом и руку высвободить не смею, если честно, не хочется. Его поцелуй так нежен, а взгляд столь проникновенен, что ощущаю себя самой что ни на есть госпожой, а ещё возникает чувство единения, общей тревожной тайны с этим загадочным молчуном.

– Отпусти, – шепчу. Не знаю с чего на шёпот перешла, – сейчас вернусь. Он нехотя возвращает мне руку. Ухожу и больше его не запираю. Почему-то после такого поцелуя становится неловко не доверять этому человеку...

Глава 6.

– Ты где застряла? – Никитична озабочена всерьёз, – чай уже остыл сто раз! Что он там приворожил тебя, что ли?

– Да вот, красоту наводила, – тут же в столе нахожу аптечную резинку для скрепки упаковок, они у нас по всем углам рассованы.

– Окарнала ирода? Надо было вообще под машинку! – ох и крутая баба мне досталась в напарницы!

– Неа, только бороду остригла, волосы не стала. Ему с ними красиво, – не объяснять же, что вся красота под ними. И человек явно, не настроен её демонстрировать всем подряд.

– Вот ещё! – взвизгивается Никитична, а на разделку с руки она легка, – сейчас я его быстренько обчичикаю!

– Не надо, Анна Никитична, оставь человека в покое, лучше одежонку сыщи ему какую-нибудь.

– Танюха! Ты что и вправду повелась?! Тоже мне забаву нашла! Наша ли забота штаны ему искать? Сейчас на каталку закинем, простышкой разовой прикроем и в отделение отправим, вот там пусть его рядят во что хотят! – рубит санитарка.

Так-то она права, наша задача первичный приём, санобработка, а остальное – чужая головная боль, но мне не наплевать,

– Пожалуйста, Никитична, – канючу, – разве я хоть раз, за кого-нибудь просила?

– Ох, девка! Верёвки из меня вьёшь! – она кряхтя поднимается со своей нагретой табуретки, застеленной для тепла сверху куском свалявшегося искусственного меха, отрезанного от подола старой шубы, и нехотя отправляется в свои закрома.

А я, тем временем, наливаю бокал чая, ничего, ещё достаточно горяч, и утаскиваю со стола несколько пирожков, что мы предусмотрительно прикупили днём в больничном буфете. Свою долю отдам, фигуру надо беречь, а не плюшки на ночь жрать...

Возвращаюсь с гостинцами. Бомж, как оставила, так и сидит, никуда не сбежал, но смотрю, маникюр с педикюром себе навести успел и ножниц не убоился, вот молодец!

– На вот, угощайся, – подаю тарелку с пирожками и бокал с горячим чаем.

Он замирает на мгновение, потом взглядывает на меня, а во взгляде неопишное, не удивлюсь если в ноги кинется. Предвосхищаю порыв,

– Просто поешь, – и замечаю, как у него увлажняются глаза, крупные капли вот-вот готовы сорваться из-под ресниц, у меня в ответ почему-то тоже. Скорее прикрываю веки и делаю глубокий вдох, не хватало ещё устроить тут коллективный сеанс плача. Он следом за мной так же глубоко вдыхает, смаргивает, успевшие набежать слёзы, и принимает дары.

Вижу, что голоден, но не набросился, как собака, ест сдержанно и аккуратно, прихлёбывает бесшумно. А я, пока он занят, покрепче сплетаю, разъехавшуюся косу и закрепляю резинкой на конце.

В это время, Никитична вваливается собственной персоной с ворохом обносков, не фонтан, конечно, но всё чистое, обработанное,

– Вот, ряди своего подопечного! – и замечает бомжа с нашими пирогами. Надо видеть, как санитарка меняется в лице, в её тяжёлом взгляде читается такая обида, будто я предала всю её семью и ещё не родившихся потомков на три колена заодно! Она распахивает было рот, но в этот момент успеваю перехватить инициативу,

– Спасибо, Анна Никитична, я знала, что не откажете, – принимаю из её рук одежду, оставляю бомжу, – это тебе, когда поешь, оденешься, – и выпёхиваю собственной грудью обратно за дверь, заодно и сама выхожу, – не будем мешать человеку одеваться.

– Ты почто ему наш ужин отдала?! – требует с меня отчёта, – нам ещё до утра вечерять и ночевать!

– Я свои отдала, – говорю тихонько, чтобы не смущать парня, заодно и Никитична, глядя на меня немного понизит свои обертоны, – не секрет же, что до утра его никто кормить не будет, а до завтрака надо ещё дожить. К тому же, его горячим надо отпаивать, знаешь, какая первая помощь при переохлаждении? – напоминаю.

– Знаю, – отвечает хмуро, – но на всех бомжей доброты не напасешься, – продолжает ворчать, зато уже не так громогласно, – ладно, сердобольная, я с тобой поделюсь, – не такая уж она и бессердечная, если разобраться.

Глава 7.

Поняв, что лишняя, Никитична отбывает восвояси допивать чай, а я захожу к своему подопечному,

– Ну, как? Перекусил немного? – гляжу, тарелка опустела, а он уже в штанах. Они ему до смешного коротки, как бриджи, но это не важно, даже такое нелепое одеяние, явно делает его смелее и намного уверенней. Вот и глазки повеселели. Настороженности поубавилось. Понял, что никто здесь убивать его не собирается.

– Как тебя звать-то? – спрашиваю, ни на что особо не рассчитывая, он потупившись молчит, – ладно, запишем Константином, согласен?

Энергично кивает, натягивая майку серого оттенка. По первоначальному замыслу она была белой, но замысел от безумного количества стирок, никто уже и не помнит, а майка ещё сослужит хорошую службу. Вот с обувью, похоже, засада. Никитична подогнала тапочки из кождама, типичные больничные, и размер-то неплохой, сорок пятый, наверное, да и те малы.

– Просто обуйся, а задники можешь стоптать, – учу, как маленького. Всё понимает и выполняет, но тут же лицо его искажает гримаса боли. Ну ясно, к обмороженным ступням вернулась чувствительность, теперь любое касание – пытка.

Тут стук в дверь,

– Веди горемычного своего, – Никитична стучит, – доктор спустился, сейчас осмотрит, как следует.

– Пошли, Костя, – зову его, и он идёт за мной, хотя каждый шаг теперь для него подвиг, тапки в руках. Смотрю, когда выходит из помещения, слегка пригибается, наверное, опасается головой притолоку задеть. И немудрено...

– Ну, что тут у нас? – это Николай Иваныч, замечательный доктор и вообще, хороший человек. Повезло, что сегодня его дежурство. Он добрый дядька, не вредный. Уже довольно пожилой и, наверное, от этого слишком мудрый, чтобы раздражаться, досадовать или желать кому-нибудь зла.

– Вот, – демонстрирую своего протеже, – Константин, – Никитична бросает на меня любопытный взгляд, но помалкивает, а я продолжаю, – похоже, обморожение конечностей.

– Да я уж и сам вижу, – соглашается доктор, – а ну-ка, дружок, да ты великан, парень! – обращается к Косте, – дай-ка, рассмотреть получше. Ложись на кушетку, – потом к нам с санитаркой, – а что это он у вас сирый да босый?

– Так на его лыжи не лезет ничего! – вставляет она, – не хрустальный, не разобьётся.

– Ох, и злюка ты, Никитична, – ворчит незлобиво доктор, а сам осматривает покрасневшие и наливающиеся на глазах, ступни пациента.

От прикосновений мой подопечный, конечно, не стонет, но сжимает до побеления челюсти, а руками края кушетки, видно нелегко терпеть.

– Ну, что там, Николай Иваныч? – мне очень важно знать, – неужели всё плачевно?

– Да не так, чтобы совсем плачевно, пока навскидку вторая степень, думаю, поражены только кожные покровы. На днях пузыри пойдут, мокнутье, как полагается, потом кожа будет слезать. Если всё пойдёт по плану, пара – тройка недель, и заживёт. Госпитализируем, безусловно, куда ж ему, болезному, – глядит так участливо на бомжа, – никакой антисанитарии, не дай Бог ещё вторичная инфекция промешается, тогда можно и ноги потерять, – а потом вдруг задаёт вполне резонный вопрос, – а почему он молчит? Язык тоже отморозил?

И я думаю, ведь правда! Может, у человека что-то с языком? А мы тут про ноги толкуем! И как я не догадалась посмотреть?!

– А, ну-ка, открой свой роток, парень, – Иваныч уже вооружился деревянным шпателем. Костя садится на кушетке и, видя, что орудие пытки не очень страшное, послушно открывает

рот, – да ничего, вроде такого, язык, как язык, – рассуждает вслух доктор, – рот, как рот, и даже зубы все на месте и на редкость в хорошем состоянии для бомжа, – почесав затылок другой стороной шпателя, предлагает новую версию, – то ли с головой, что-то, то ли зарок дал...

– Какой ещё зарок? – не понимаю.

– Да мало ли сейчас приколистов всяких, да спорщиков, тешатся, чем могут, – пожимает плечами доктор.

– Но почему Вы думаете, что прикол? – не вяжется как-то, – он худющий, весь запаршивел, да ещё и ноги обморожены, разве это похоже на прикол?

– Танюша, ты ещё слишком молода, многого не замечаешь, – вздыхает Николай Иванович, – а я вижу за этой худобой породистого мужика с идеальными зубами и явно хорошими манерами. Посмотри, как он сел, с такой осанкой только на троне восседать!

От этого замечания Костя нисколько не смущаясь, лишь прикрывает веки, а я смотрю, действительно, он так же и в душевой сидел, будто царственная особа, и ручку мне поцеловал, так галантно и умело, и ел, несмотря на голод так, будто лишь отведать решил угощение. И думаю, сколько же загадок ещё у этого человека?

Глава 8.

– Тоже мне принца – нищего нашли! – выставив руки в боки, прерывает наши логические цепочки Никитична.

– Да! Хватит гадать, там видно будет, а пока в триста третью палату его, – определяется доктор, – там как раз, дедуля с переломом шейки бедра, абсолютно глухой. Так что будут отлично соседствовать, один не говорит, а второй, всё равно, ничего не слышит, – и командует санитарке, – подавай каталку, Никитична, и вези его наверх.

– Вот ещё! Такого конягу! Я не нанималась, пуцай сам идёт! – Костя поднимается и порывается идти, но доктор останавливает жестом,

– Да, как же он пойдёт с такими-то ногами, да ещё и босой? – вот, что значит профессионализм и человеколюбие.

– Я отвезу! – вызываюсь, отчего лицо Константина тут же озаряется благодарной улыбкой, видимо, к Никитичне у него явно смешанные чувства.

– И чудесно, до утра всего ничего осталось, отдохнёт сейчас, ноги окончательно отойдут. Кольни-ка ему анальгин, Танюша, чтобы полегче было, а утром осмотрит хирург и назначит лечение, – потом Николай Иванович ободряюще взглядывает на пациента, – и подлечим, и пооткормим, тебя, бедолага. Эх, как же ты умудрился опуститься-то так? Ведь, не твоя это жизнь, сто процентов, не твоя! – на что Константин лишь сокрушённо разводит руками.

Я набираю в шприц анальгин, а сама не представляю, какой реакции ждать, что если он заупрямится сейчас, может, у него к уколам тоже особое отношение, как и к стрижке?

– Вставай, – говорю, – повернись спиной! – он поворачивается недоверчиво, но я перед этим, всё-таки, показываю шприц, – это всего лишь укол, не бойся!

Хорошо, что Иваныч уже ушёл, а Никитична не особо интересуется процедурами, у неё своих дел полно.

Он послушно позволяет сдвинуть штаны, чтобы открыть поле для укола, и даже не дёргается, когда смачиваю спиртом, а потом вкалываю анальгин,

– Ты – молодец! – не велик и подвиг, конечно, но почему-то я очень радуюсь, что всё прошло успешно.

Никитична, таки подогнала кресло-каталку, и мы с Костей, который, несмотря на худобу, еле в ней помещается, да ещё и коленями к подбородку, отправляемся в лифт.

– Ну, вот видишь, как всё хорошо складывается, – ведём диалог в кабине, – поживёшь в тепле, в чистоте хоть немного, а там, может и жизнь заиграет новыми красками, – я говорю, а он молча глядит на меня своими магическими глазищами, но тоже, будто участвует. И я читаю однозначный ответ в его взгляде: спасибо...

Препроводив своего подопечного в палату, вижу, что там, на свободных койках только голые матрасы и подушки без наволочек,

– Выбирай любую из трёх, а утром тебе выдадут постельное, – потом прикидываю, что лучше подальше от соседа, и предлагаю, – давай к окну, там и повеселей и посвежее, будет, – он кивает согласно, порывается уже вскочить, но я мягко кладу ладонь ему на плечо, и он оседает. Мы катим вглубь палаты.

Константин пересаживается на край кровати, я отталкиваю каталку в сторону.

Дедуля в углу, явно выспавшийся на пятилетку вперёд, тут же затевает разговор в одни ворота, сам спрашивает и сам отвечает, а я сожалею, что новый пациент только немой, слушать бесконечный не выключаемый радиоприёмник, то ещё удовольствие. Но парень, явно утомлённый и разомлевший в тепле, уже клюёт носом,

– Ну, пока что ли? – спрашиваю неуверенно, – зайду в следующее дежурство проведать.

Он вскакивает тут же и, бухнувшись на колени, хватает мою ладонь и принимается быстро энергично целовать, я выдёргиваю недоумённо, тогда он ловит вторую и снова осыпает поцелуями.

– Да, что ты, Костя, уймись! – убираю руки за спину, тогда он обхватывает меня целиком своими огромными ручищами и утыкается в живот, я в смятении. Испугался, что ли? – не бойся, никто тебя не обидит, – руки сами возвращаются из-за спины и невольно тянутся к его волосам. Они высохли давно, и теперь я ощущаю их шелковистость и густоту, проводя по макушке. Он льнёт к моим рукам и, практически вжавшись в живот, не выпускает из плена.

А у меня вдруг пропадает всякое желание из него вырваться, так и стоим: я глажу его, как мать пугливого ребёнка, которого впервые привела в детский сад и хочу оставить, и он на коленях, обнимая меня крепко и отчаянно, будто я последняя соломинка, удерживающая его от чего-то страшного и неминуемого. Разрываюсь, как оставить? Так бы и сидела рядом, и гладила по волосам, и утешала, и баюкала, пока не заснёт! Но у меня работа, надо, как-то оторваться. Что происходит?! Что со мной происходит?!!!

– Ну, будет тебе, будет, уже! – наверное, я себе это говорю, – ничего не случится, ложись на кровать, я тебя укрою, и поспи, – потихонечку расцепляю его руки и сподвигаю перебраться на койку, – утром ещё зайду.

Он очень нехотя слушается и с тяжёлым обречённым вздохом укладывается, а я замечаю, что кровать явно коротковата. Хорошо, что спинка сквозная с прутьями, можно вытянуть ноги. Но парень устраивается, свернувшись калачиком. Я укрываю его колючим больничным одеялом, стараясь осторожно прикрыть воспалённые ступни и расправляя верхний край за спиной. Он опять ловит мою кисть и, прижав к щеке, взглядывает на меня.

Как он так может? Ни слова, ни звука, а я понимаю,

– Только не бросай, я без тебя пропаду в этом мире! Я один, и у меня беда!

И я отвечаю в отличие от него вслух,

– Не брошу, обещаю, – а после этого, сама не знаю зачем, нагибаюсь и целую в щёку. Он опускает веки и руку мою тоже, а я напоследок в предутреннем мраке замечаю, как сначала к переносице, а потом дальше по лицу на подушку, скатывается из-под пушистых светлых ресниц крупная, прозрачная, как дождевая капля, одинокая мужская слеза...

Глава 9.

Выхожу из палаты в смятении чувств! Этот странный измождённый великан всю душу мне перевернул! Что с ним не так? Да нет, что со мной не так? Это ж бомж! Да мало ли их таких, которые и всплакнуть готовы, и руки перецеловать, и на жалось придавить так умеют, что отдашь последнюю рубаху! Когда меня это трогало? Разве что в самом начале работы, лет пять тому назад, да нет, лет девять, когда санитаркой начинала. А тут так повело, что вот ухожу сейчас от него, а душа там остаётся!..

– Ну, что? Устроила своего подопечного, Татьяна? – это, конечно же, Никитична.

– Устроила, – отвечаю, а сама в думах. Следующая смена через трое суток. Как он без меня?

– И чем он тебя приворожил? Охламон этот. Сама не своя девка! – с горячностью добавляет, – не связывайся! Помяни моё слово, хлебнёшь горя с этим немтырём!..

Потом нам привозят подряд несколько пациентов: молодую девицу с подозрением на аппендицит, дедушку в предынфарктном состоянии, слесаря с производственной травмой и пальцы его левой руки в пакетике со льдом. Так что ночь перестаёт быть томной и романтической, не замечаю, как нас с Никитичной застаёт рассвет, и уже не до пирожков...

Пересменка сегодня длится, как назло, довольно долго, пока передали все дела, пока поздравили санитарку Веру из другой смены с днём Рождения, а потом ещё выясняли, почему график отпусков не соответствует нашим пожеланиям, словом, вместо восьми часов утра, я освобождаюсь почти в девять.

Торопливо поднимаюсь на третий этаж без лифта, он в дневное время на буднях является самым неуловимым стационарным транспортом. Влетаю в триста третью, не обращая внимания на удивлённый взгляд постовой медсестры, но не увидев на койке у окна моего бомжа, сникаю. Зато, замечаю, что на его постели свежее бельё в цветочек и дополнительное одеяло, видимо, понимают, что одного полуторного такому великану маловато.

Дедуля, завидев меня, заводит пластинку о том, как ему надоело лежать, я отбиваюсь несколькими сочувственными фразами, которых он всё равно, не услышит, с таким же успехом ему можно декламировать Пушкина или таблицу умножения, и удаляюсь.

Не успев задать вопроса постовой медсестре Антонине, только запоздалое,

– Привет! – получаю ответ,

– Твоего морного викинга отвезли в смотровой – интересно, с чего она взяла, что викинг? Хотя и вправду, похож! Но спрашиваю совсем другое,

– Моего?

– Ник Ив, – это у нас так Николая Иваныча сокращённо величают позаглаза, – сказал, что твой родственник или знакомый, и надо о нём позаботиться. Чего ж ты родственника, – с особым нажимом на последнее, – довела до дистрофии и обмороженных ног?

Вот как! Старый док туда же, куда и санитарка! С чего они взяли, что он мой? Но лучше подтвердить, когда знакомые или родственники ложатся, к ним само собой, отношение душевней и повнимательней, поэтому, соглашаюсь,

– Ага! Только он сам дошёл, – и, не ожидая лишних вопросов, добавляю, – если что, он – Константин. Давно увезли-то?

– Да вот только что, разминулась парой минут, – сбивается, как я и хотела, Антонина, – ждать будешь?

А я понимаю, что если ещё задержусь минут на десять, то опоздаю на автобус в посёлок, а следующего ждать до полудня, или ехать с пересадками, да потом ещё топтать пару километров по морозу. И здравый смысл побеждает,

- Нет, побегу. Через три дня загляну.
- Может, передать чего? – беспокоится медсестра.
- Да нет, я ж его видела.

– Ну, покеда! – и я торопливо мчусь по ступенькам, потом переодеваюсь так, что позавидует бывалый строевик, привычный вскакивать по тревоге и одеваться за сорок пять секунд. На ходу застёгиваю пальто и наматываю шарф до самых глаз, а потом, между боязнью поскользнуться и упасть или опоздать на автобус, выбираю всё-таки автобус и, чудом не перевалившись, и не заработав травм, несовместимых с жизнью, долетаю до остановки. В автобус вскакиваю последней. Сразу за моей спиной раздаётся жалобный скрип старой гармошечной двери и, дребезжа всеми своими внутренностями, ржавый ПАЗик увозит меня и ещё нескольких счастливых в посёлок...

Глава 10.

Когда-то я жила в городе, вернее, мы жили с родителями. Я одна в семье, мне казалось, что это не плохо. В общем-то, если нет братьев или сестёр, то вроде как, сравнивать не с чем. Поэтому хорошо это или плохо, не знаю. Но вот, когда умер отец, а следом потянулись его кредиторы, было жутковато и жалковато, что нет у меня страшного старшего брата, который разобрался бы со всеми этими мерзавцами. Хотя, мерзавцы они или нет, я так и не уразумела, может, папа был не так идеален, как мне рисовалось в шестнадцать?

На ту пору я считала его идеалом, и была твёрдо уверена, что маме несказанно повезло. И радовалась за неё и завидовала: ведь она получила единственного достойного мужчину на земле! А, что же мне теперь делать молодой и красивой, если все пацаны, что пытались подкатить, не годились ему в подмётки? Да и те парни, что постарше, были несколько не лучше.

Однако, мама, всю мою сознательную жизнь не зная, что такое ходить на работу, ударившись лицом о реальность, уже не считала покойного мужа принцем, однажды чудом забравшим её в сказку, и всё больше слала обвинения в его адрес, по мере убавления финансов и дорогих украшений в её шкатулке. Когда и эти запасы закончились, а аппетиты кредиторов не убавились, ничего другого не осталось, как продать большую квартиру в центре.

От нас отстали лишь, когда, мы отдали практически всё, на остатки денег сумев купить ветхий домишко на окраине города, в так называемом, посёлке.

Сам по себе посёлок неплох, здесь чисто, по сравнению с загазованным центром свежий воздух, экология, но человеку, привычному к городской суете, тоскливо. Особенно зимой. Ещё летом, куда ни шло. Весь городской люд сбегает на природу, так что посёлок раздувается втрое, не меньше. Да и красиво, домики утопают в зелени садов, отлогий берег реки полностью становится пляжем. Самоорганизованные дискотеки и вечеринки тут и там заывают музыкой чуть ли не до утра. В такие вечера я представляю себя заезжей горожанкой, как и все переехавшей временно на дачу из каменных джунглей, но...

Это хорошо, когда отдыхаешь. А, когда вынуждена подрабатывать сразу со студенческой скамьи? Розовые мечты про художественную академию, как-то сами собой померкли после первой же полугодной зимовки.

Поэтому, получив аттестат за девять классов, я не раздумывая, подала документы в медицинское училище и вторым шагом в больницу санитаркой.

Так что, мой трудовой стаж уже почти девять лет! А мама так и не сумела полноценно восстановиться после утраты отца и главное, комфортного существования. Несколько раз она заводила романы с разными мужчинами в надежде поймать ещё раз удачу за хвост, но только хвост этот становился с каждой попыткой всё тоньше и жиже. И в конце концов, когда мне исполнилось двадцать, и красный диплом медучилища оказался у меня в руках, она сказала,

– Ну вот, детка, ты и выросла. Теперь проживёшь без меня, – и укатила за очередным хвостом удачи, куда-то в Геленджик устраивать личную жизнь в тёплых краях. С тех пор, ни слуху, ни духу, хотя прошло пять лет. Я подавала в розыск, безрезультатно. Так что, живу в нашем домике одна. И надеюсь, что мама всё-таки жива – здорова и обрела своё счастье...

Посёлок строится и перестраивается. Вокруг появляются красивые коттеджи в два – три этажа, чем дальше, тем красивее, дворцы, иначе не скажешь. У некоторых хозяев даже личные фонтаны имеются, я уж, молчу про водопровод. А я по-прежнему хожу за водой на колонку и мечтаю не о водопроводе, а о том, чтобы водопровод не случился весной с потолка в дом. И было бы здорово пережить ещё хотя бы год без ремонта крыши, на это ещё копить и копить...

С соседями, можно сказать, повезло. Почему, можно сказать? Потому что до недавних пор так и было. По левую руку от моего дома вполне адекватная пара местных жителей дядя

Коля и тётка Вера, а по правую проживала бабка Наталья. Старушка божий одуванчик. Все мы были глубоко уверены, что она круглая сирота. Помогали всей улицей, кто чем мог. То мужики дров наколют, то женщины воды принесут. Да я сама сколько раз гоняла по её поручению в местный продмаг за едой и привозила из города лекарства.

Но спустя ровно полгода с момента похорон соседки, выяснилось, что не такая уж она и круглая. Когда, откуда ни возьмись, объявился троюродный наследник – племянник Денис – толстый мерзкий мужик лет тридцати пяти, и взялся устанавливать свои порядки...

Глава 11.

Естественно прежнюю избушку он стёр с лица земли и принялся за грандиозное строительство, но это его личное дело. Только на этом не остановился.

Для начала ветхий заборчик палисадника он заменил на двухметровый металлопрофиль, причём так, что палисадник поглотил дорожку к колонке. Ну да Господь с ним, лишние пять метров и путь по проезжей части меня напрягли не особо, большинству и вовсе без разницы, практически у всех вода в доме.

Вторым шагом этот гад начал свои личные притязания ко мне лично, сначала почувствовав, что заступников на горизонте не видать, набиваясь в любовники. В качестве ухаживаний даже принёс в жертву несколько цветков, как потом выяснилось, с чужой клумбы, поскольку своей не занимался. Получив один устный отказ, а второй письменный – выхлопом перцового баллончика в морду лица, а как без средства обороны, когда живёшь в глухомани и порой возвращаться приходится затемно!

Так вот, после конкретного ответа, когда излишне распустил руки, неудавшийся любовник в корне поменял тактику.

Сначала вдруг, ни с того, ни с сего упал плетень, символически разделявший наши с бабкой Натальей участки. А потом, когда я вернулась со смены, не досчиталась пары метров своей земли от бывшего плетня с моей стороны по всей ширине участка, без зазрения совести, отрезанных тем же металлопрофилем в пользу Дениса.

На призывы поиметь совесть, сосед реагирует однообразно, обещая спустить свору. Его псов боится вся улица, жуткий лай собак Баскервиллей, сопровождает каждого прохожего, имеющего смелость прошмыгнуть мимо владений Дениса, и каждую машину, промчавшуюся по нашей дороге. То есть, вся округа живёт под вечный аккомпанемент жуткого собачьего лая.

Как-то в прошедшее лето эти твари в количестве троих алабаев вырвались из неплотно закрытых ворот и серьёзно покусали женщину, проходившую мимо. Она оказалась не здешней, наши то осторожны.

Все соседи вздохнули было с облегчением в надежде, что сейчас бесстыжую рожу приструнят, но он только выплатил символический штраф и погасил чеки за лекарства пострадавшей, а псарня по-прежнему, процветает.

Я даже одно время, подпав под философское настроение, размышляла над вопросом: сколько жлобов рождается по сравнению с нормальными людьми по теории вероятности. Оказалось, не так уж и много. По моим подсчётам один к десяти, а может и реже. За контрольную выборку взяла только нашу улицу, а на ней как раз десяток домов. Но от этого не легче, потому что одна ложка дёгтя легко может испоганить целую бочку мёда. А в моём случае теория вероятности вообще выдала убийственный результат: один к одному! Потому что этот жлоб оказался именно моим ближайшим соседом...

Вокруг, конечно же, все сочувствуют, но заступаться за бедную сироту некому. Оно и понятно, своя рубашка ближе к телу! Кому вызвать огонь на себя захочется?..

Автобус хоть и дребезжал жалобно всю дорогу, но не подвёл, доставил пассажиров до посёлка. Мне от остановки не так уж и далеко, но сначала забегаю в магазин, дома в холодильникемышь повесилась. Обычно успеваю в городе закупиться, но нынче времени было в обрез, так что буханку хлеба и пачку сосисок куплю в поселковом универсаме.

Слово, конечно, красивое, а по существу, сельский магазин, в котором от хлеба до гвоздей, всё в одном месте, разве что на разных полках.

– Привет, Танюха! – встречает меня Тамара – бессменная хозяйка здешнего добра, – с дежурства бежишь?

– Ага, тётъ Том, такая смена суматошная выдалась, со вчерашнего обеда дохну с голоду, продай, чего посвежее!

– Сейчас, Танюш, – подмигивает продавщица, и исчезнув в святая святых своего хозяйства, возится в закромах довольно долго, потом, выходит с довольной миной и несёт на вытянутых руках, словно дар богов, упаковку ветчины в вакууме, – вот, бери! От сердца отрываю, себе придержала, да деверь привёз ящик тушёнки, так что пока не съедим, ничего брать не буду. Ты моих проглотов знаешь...

А дальше, можно слушать и слушать про то, какие у неё хорошие парни, богатыри один к одному все трое, да только девки – привередницы в мужья их брать не спешат, и что варить им приходится разом десятилитровую кастрюлю борща...

Даже без намёков ясно, куда камень летит, но в моём огороде его никто не ловит, знаю я её хороших парней. Им бы, где-нибудь на пьяной вечеринке кулаки почесать. Бизнес что ли организовать под лозунгом «Свадьба без драки – деньги на ветер!»

Я бы всех троих наняла на постоянной основе – эти не подведут! Только деньги за услуги надо брать заранее, так сказать, со стопроцентной предоплатой, а то после такой драки у заказчика все средства на восстановление разрушенного уйдут и на выплату компенсаций морального и физического вреда гостям.

Так что ясно, как белый день, почему тётя Тома печётся обо мне,

– Да мне бы хлеба и сосисок пачку, – пытаюсь отказаться поделикатней, но куда там,

– Бери, дорогая, не пожалеешь! А хлебушка я тебе тоже сейчас посвежее принесу! Тут-то, – она машет на прилавок с остатками чернушки, – вчерашний, а мне хлебовозка уже сегодня доставила, даже не остыл, хотя на улице морозюка ещё та! – поёт соловьём продавщица. Ничего не остаётся, как купить предложенное и поскорей распрощавшись,

– Пора мне, тётъ Том, с ног валяюсь, спать охота! – бежать подалее...

Глава 12.

Уже рассвело. Холодное солнце розовым шаром повисло чуть выше горизонта. Воздух от мороза звенит. Деревья, покрытые игольчатым инеем, замерли в параличе, кажется, только тронь ветку, она осыплется осколками, настолько хрупка. Снег под ногами скрипит так, будто гигантский кролик грызёт огромный капустный лист, звонко, громко и хрустко.

Щёки спрятаны под необъятным шарфом, а нос – бедолага скоро превратится в сосульку. Пар от дыхания, схватываясь морозом, так и застывает ледяным облачком, ещё немного, и кажется, попадает прозрачными звонкими бусинами на снег. Какие тридцать ниже нуля? Сегодня, наверное, все сорок, а то и сорок пять! Скорей бы домой!

Под лай соседских псов поскорей добираюсь до своей избушки. Отпираю, внутри, ясное дело, чуть теплее, чем снаружи, надо скорей печь растапливать. Сутки меня не было, ветхий домик, знававший лучшие времена лет сто тому назад, совсем выстыл. И вот так каждый четвёртый день, когда возвращаюсь после суток, вместо того, чтобы забраться в кровать и заснуть, принимаюсь согревать рыхлые дырявые стены...

Пока приношу дрова, не раздеваясь, растапливаю печурку, и сижу возле неё на низкой скамеечке в ожидании, когда разгорится поуверенней промёрзшая древесина, думаю о странном бомже, оказавшемся сегодня ночью в нашей больнице.

Трескучие морозы испытывают регион на прочность уже больше недели, где же он прятался столько времени, бедолага, как не умер от переохлаждения?

Надо было поинтересоваться у Никитичны, в чём его к нам доставили, а я и не сообразила. Как всегда, умная мысль приходит опосля!

А вдруг, там в его вещах был ответ, или хотя бы намёк, кто же он такой и, откуда? Может, записка или какая-нибудь квитанция, хотя бы автобусный билет? О чём я только думаю? Кто такое чудовище пустит в транспорт?

Ясное дело, паспорт или мобильник Никитична бы не прозевала, но откуда у бомжа взяться подобным ценностям? Телефон, наверняка одним из первых ушёл в оплату еды, если не украли, конечно. А паспорт с пропиской исключает сам факт того, что у человека нет места жительства. Не может гражданин с документом быть никем, вроде бы существует, а вроде, как за гранью закона, словно призрак...

Ведь, что-то же не так в этой истории! Да, конечно, чтобы выпирали рёбра, как стиральная доска, пришлось голодать достаточно долго, а такому великану пищи надо много. Но под истерзанной расчёсами и ссадинами кожей угадываются, хоть и порядком иссушенные голодом, но всё же, мышцы. И горделивая осанка никак не соответствует имиджу бродяги! А во взгляде, несмотря на плачевное состояние, читается скорее, растерянность, чем покорность судьбе. И это странное молчание... Не человек, а сплошная загадка! Да и забыть бы, и не ломать голову, однако, из души, из ума не идёт, хочется разгадать!..

И эта его ужасная вышивка не даёт покоя. Просто жуть: вышивать по живому! Прямо, какие-то фашистские пытки! Я однажды наткнулась на документальные хроники в интернете, меня хватило на десять минут, больше не смогла! Интересно, ему хотя бы анестетик вводили перед этим? Что там вышито? Странные буквы, переходящие одна в другую, перевитые гибкими ветвями, кудрявые листья... листья, оружие, холодное оружие... холодно...

Просыпаюсь около печки. Заснула прямо на скамье, только плечом привалилась к тёплым печным кирпичам, и меня, как срезало.

Как раз, вовремя, дрова прогорели и уже затухают угли, можно закрывать заслонку. А иначе, что топила, что нет, всё тепло вылетит в трубу в прямом смысле.

Сколько же я проспала? Вроде бы недолго, но в низкие окна уже заглядывают длинные синие тени, значит, время к середине и, без того короткого, зимнего дня...

Глава 13.

Где там хваленая Тамарина ветчина? Я так и не успела со вчерашнего вечера ничего съесть, так что скорей включаю чайник и торопливо отрезаю от ароматного куска пару широких кругов. Потом так же отпахиваю пару кусков от буханки и наслаждаюсь!

Вот оно – простое человеческое счастье: свежая пряная ветчина на хрустящей корочке чернушки, и большой бокал горячего крепкого сладкого чая! Блаженное тепло растекается внутри меня, такое чувство, что не только желудок, а душу тоже согревает. Да и продавщица не обманула – вкуснота нечеловеческая, божественно! Или это я такая голодная?

А вдруг он тоже голодный сейчас?! Я сегодня точно не успею!..

Ну, нет! Его обязательно накормят в больнице! И завтрак, и обед, и ужин, всё принесут. Не ресторан, конечно, но утром каша, а во обед и первое, и второе, и компот, и ужин вполне съедобный. Утешаюсь тем, что сама не раз ела больничную пищу, когда не хватало денег от зарплаты до зарплаты. Хуже, чем было, Косте у же не будет.

Успокаиваюсь и позволяю себе ещё несколько минут блаженства, потом собираюсь. Рассуживать некогда, работа не ждёт!

Вернее, подработка. У меня же целых трое суток выходных, а на зарплату дежурной медсестры не сильно разбежишься. Я вот давно хочу ботфорты купить, и думаю, к весне точно себе позволю, да не какое-нибудь искусство, а натуральную кожу, и чтобы мягкая была, качественная! А к ним сумочку и перчатки.

В хороших вещах разбираюсь, не в подворотне родилась и до шестнадцати лет, кое-какое практическое понятие о прекрасном получила! Вот теперь и стремлюсь.

Поэтому, пора бежать в амбулаторию. Там фельдшер Мария Семёновна ждёт. Она уже старенькая, ушла бы на отдых, да смены нет, звала меня, но я из больницы не хочу уходить, а помочь на полставки с надбавкой за сельскую местность с удовольствием готова. Сейчас возьму у неё листок с назначениями и адресами и побегу по посёлку, кому укол, кому капельницу поставить. Тем, кто сам в амбулаторию приходит, Мария Семёновна ставит, а вот на вызов ей уже не по силам.

А у меня рука лёгкая, люди рады, практически весь посёлок знакомые теперь. Напоследок, кто пирожками угостит, кто шоколадку сунет. Я бы не брала, не голодаю, но ведь они от чистого сердца, а обижать не хочу, да и не умею...

– Танюш, ты по такому морозу? Да и не ходила бы сегодня!

– А, мы уж, и не ждали!

– Хозяин собаку не выгонит! – и всё в таком духе, однако, все довольны и рады, когда отвечаю,

– Я на страже вашего здоровья, как же пропустить?..

Сегодня за пару часов управилась, скорей домой, уже сумерки накрывают посёлок. На сугробы от деревьев ложатся таинственные тени, улицы пустынные.

Топаю по своей дорожке, подгоняемая усиливающимся морозом и опаской. Только поравнявшись с соседским забором, замечаю, что калитка приоткрыта, странно. Ещё мгновение, и оттуда с диким звериным рыком, вылетает свора зверья, видно хозяин спустил на прогулку, да только ворота забыл закрыть. Или нарочно не затворил, всех в страхе держит. Со жутким лаем здоровенные, словно медведи, алабаи, притормозив только на секунду, устремляются за мной!

Всё, как в замедленной съёмке, их минимум трое или четверо, лохматые серо-белые шкуры содрогаются при движении, холки дыбом, из разинутых пастей вместе с лаем вырывается горячий пар и липкая слюна, застывающая тут же бородой! Снег с оглушительным для

моих ушей хрустом проваливается всё ближе и ближе! Если не разорвут, а только покалечат, то разрыв сердца всё равно, обеспечен! Оно, родимое, в пятки!

Видно то, что мой пламенный мотор ухнул именно в конечности, помогло влететь в собственную калитку, за мгновение до того, как меня бы повалили и растерзали!

Да, что им мой хлипкий штакетник, разве преграда? Достаточно того, что одна такая тварь толкнулась всей массой, встав на задние лапы, и он предательски покосился! Только замёрзший с внутренней стороны сугроб и удержал.

Я это всё, можно сказать, спиной видела, пока летела до крыльца. Содрогалась от утрашающего лая уже в веранде, так как судьбу испытывать не стала, отворив мгновенно нехитрый дверной замок. Уже из укрытия услышала мерзкий хохот соседа, и потом резкий свист, которым он подозвал собак. Они нехотя, но послушно потрусили на призыв, продолжая озираться и рычать в мою сторону.

– Господи! За что мне всё это?! Пошли управу на Дениса, пожалуйста! Его звери меня сожрут и не подавятся, а хозяину за это, ничего не будет!.. И слава тебе, за то, что ноги унесла в этот раз!..

Глава 14.

Оправившись от первого шока, переключаюсь на то, о чём думать должна в самую последнюю очередь. А именно на бомжа, оказавшегося в нашей больнице минувшей ночью. Вот если бы это зверьё напало на бездомного человека, которому и укрыться негде, и не ждёт его никто? Загрызут, разорвут, а хватится некому! Найдут останки и даже не опознают...

Как он там? Да ещё и со своей немотой! Ведь не пожалуется, если что не так! Если ноги болеть будут, даже обезболивающего попросить не сможет! А вдруг его, всё-таки, не покормили? Вдруг забыли?!

Но тут же гоню глупые мысли: его Ник Ив моим родственником окрестил, а к своим, всё-таки, побольше внимания, не должны забыть! И всё же, неужели спор?! Молчать из-за спора, даже если это уже приобрело серьёзный оборот? Нелепица, какая-то!

Эх, жила бы я поближе, завтра обязательно сгоняла бы в больницу проведать. Вкусненького отвезла. Точно, надо чего-нибудь домашнего ему сготовить! Только не поеду завтра и послезавтра не поеду, подработка все планы портит! Разве что, первым утренним рейсом с рабочими, тогда им же успею вернуться, полчаса у меня будет, пока автобус петлю делает по городу.

Нет, завтра не стоит, я и сготовить не успею...

Кажется, проголодалась, да и печку перед сном стоит ещё немного подтопить, а то к утру точно, озябну.

За делами меня покидают остатки сил, а то что днём перехватила коротким сном, уже израсходовано, и мой организм требует срочной подзарядки, всё же не киборг...

Утром проспала, и к лучшему. Чего бы поехала? Костя, наверное, позабыл уже ненормальную медсестрицу, набившуюся ему в няньки. Да и коллеги что скажут?

У нас, как в любой приличной организации, полным-полно до неприличия любопытных кумушек, да ещё и любительниц позлословить. Таких хлебом не корми, дай только тему, а скандальную новость подготовить они сами сумеют. Где их на это обучают?

Давно обдумываю мысль, откуда они берутся, и прихожу к выводу, что, во-первых, самозарождаются от скудости ума и узости кругозора, который не позволяет увидеть вокруг ничего более интересного, чем чужая жизнь, не предназначенная для демонстрации напоказ. Даже если у людей всё хорошо, они свою каплю яда влить сумеют!

Во-вторых, это зависть, конечно же, чёрная или ещё, какая-нибудь разноцветная, не важно!

Ну и безделье, в-третьих, тоже отличный повод сунуть свои любопытные носы, куда не надо...

Вот и в посёлке уж, на что селяне, привыкшие к общинному образу жизни, где, как говорится, «всё вокруг колхозное, всё вокруг моё», и то такие далеко не все. Хотя поговорку: «можно вывезти девушку из села, а село из девушки не выведешь», применить можно ко многим, в какие бы модные наряды не рядились, какими бы из себя леди не старались выглядеть...

Одним словом, благодатной почвы для вращивания сплетен, не дам. Да и видится с утра всё совсем в ином свете. Так, будто приснилось. И чего только не напридумываешь себе на почве бессонной ночи!

Как я так из бомжа сумела нарисовать себе романтического героя? Ведь даже не знаю, кто этот человек? Откуда взялся? Может, он скрывается от закона, а дома у него жена страдает, детей орава! Если его ищут уже? Может, сфоткать и в полицию отнести снимки?..

Утро плавно переходит в день, за делами и подработкой не заметила, как день подёрнулся вечерним полумраком, а там и ночь наступила. Соседские собаки сегодня сидят на привязи и новых стрессов не добавляют.

Зато, к вечеру начали грызть сомнения, что Костя там один, всё-таки, наша встреча необычна и покоя мне не даёт.

Как он отпускать меня не хотел! Ну не может быть, чтобы просто воспользовался подвернувшейся заботой! Это другого уровня доверие! Это другая благодарность! Душа не на месте, тревожно, и видеть его хочу! Нафиг! Завтра поеду с утра!..

Но у судьбы с утра на меня иные планы.

Когда я, собранная к автобусу, уже обуваю сапоги, в дверь стук,

– Танюшка, открывай скорей! – слышу тётка Вера – соседка из дома слева колотит. Не знаю, что и за пожар у них, скорей отворяю,

– Что такое?

– Горим, Танюха! – как в руку положила! И запах гари сразу ударил в нос! Выскакиваю во двор, а там соседская изба полыхает, не тётки Веры, а та, что за ними, следующая.

Полное безветрие, но дома стоят тесно, хороший, вчера ещё крепкий пятистенок с пугающим треском пылает, как огромный факел, посылая столб огня и дыма в небо. Горящая щепка уже всюду стреляет на крышу ближайшего к моему дома. Хозяева, слава Богу живы! Рыдают над потерей, у них это единственное жильё. Муж, жена и трое деток погодков с чумазами от копоти лицами, кутаются в одеяла, в сапогах и валенках на босу ногу!

Со всего посёлка бежит народ с ведрами! Но поливают уже дом тётки Веры, лишь бы дальше не перекинулся огонь. Я хватаю ведро и вместе со всеми встраиваюсь в цепочку от колодца к пожару. Так и передаём ведра, обливаясь, матерясь и спеша сделать хотя бы малость!

Наконец-то, слышим сирену пожарной машины. Когда из шланга начинают заливать пепелище, спасти уже нечего: обугленные остатки стен и фундамент...

Потом собираем помощь, кто чем может, я тоже свою лепту вношу на погорелое место: пару тысяч деньгами и куртку старшей девочке – подростку, больше и дать нечего. Тётка Вера забирает погорельцев к себе, пока поселковые власти не выделят им хоть какое-нибудь временное жильё.

Почему случился пожар, неясно. То ли проводка не выдержала дополнительной нагрузки в мороз, то ли опасное обращение с огнём...

И ещё, наш жлоб – собаковод по имени Денис на пожар не явился и помощи никакой не оказал. Кто бы сомневался...

Глава 15.

О том, что собиралась проведать Костю, я вспомнила только вернувшись домой и увидев сумку. Какое там, ехать! Мокрое пальто, схватившееся морозом, встало как кол, запах такой, будто это меня на костре жгли, и сил уже никаких не осталось...

Повесила на печку оттаивать и сушиться, умылась, нашла старый полушубок, переобулась из мокрых сапог в валенки и поплелась в амбулаторию. А из головы погорельцы никак не идут, как им теперь жить? Где на новый дом денег взять? Детки – школьники, и помощи ждать неоткуда...

Куда бы ни зашла, везде только и разговоров, что про пожар. Но мои мысли странным образом через эту тему опять возвращаются к Косте: что если у него тоже дом сгорел? А он, может, потерял всю семью в огне и от этого горя онемел?!

Потом перехожу от этой догадки к тому, что надо ему, чего-нибудь вкусенького приготовить, домашнего. И, уж если не сумела проведать его за три дня, то хотя бы побалую своей стряпнёй.

Я, конечно, не особо кулинарка, мастерство оттачивать не на ком, а мне одной и чая с сосисками достаточно. Но всегда вспоминаю, что когда болела, бабуля, варила домашнюю куриную лапшу. Папина мама прожила с нами почти до моего подросткового возраста, и я отлично её помню, кое-чему меня даже научила. За курочкой она обязательно ходила на рынок, а тоненькую лапшу катала сама, и рецепт мне известен...

У Тамары в магазине всегда можно разжиться свежей курятиной, не с птицефабрики, а частной. В посёлке несколько хозяев выращивают бройлеров и сдают ей на реализацию, всем выгода, и им не беспокоится, и Тамара свой навар имеет...

Так что, всем запаслась. Бульон уже варится, источая невероятный аромат, ещё и с душистым перчиком, и с лавровым листом, а я раскатываю тесто для лапши, без воды, на яйцах. Потом в печке запекаю слегка, чтобы в бульоне не расплзлась. Золотистый блин равномерно тонок, прозрачен на просвет, но не рвётся. После пары минут просушки в горячей печи, нарезаю его на ленты, а потом поперёк на тоненькие полоски лапши. Утром бульон доведу до кипения и заправлю. У меня есть термос на полтора литра, как раз наполню, а половину бройлера возьму отдельно.

Когда бульон сварился, пробую и на мгновение впадаю в детство! Вкус получился тот же. Обжигаюсь, не в силах долго дуть в ложку, скорее хочется поймать и задержать в душе малые крупницы счастливых воспоминаний, в которых всё плохое ещё не случилось. Вкус домашнего куриного бульона для меня символ защищённости, безоблачного счастья, когда верится в хорошее, и нет ни малейшего сомнения, что трагедии, если и происходят, то только в кино или, где-то там, у неизвестных людей, в других городах, на соседних улицах, в чужих семьях, но только не в моей!..

Утром всё успела, и гостинцы собрала, и сама собралась! В кои то веки, воспользовалась косметикой. Нет, не разукрасилась, как на дискотеку в местный клуб, а лишь слегка тронула тушью кончики ресниц, да немного провела ею же по светлым бровям.

Я в папу – светлая, иногда по желанию становлюсь блондинкой, иногда шатенкой, а лицо, как чистый лист, бери и рисуй.

Глаза серые, говорят, красивые. Спасибо маме – её глаза, кожа белая и, слава Богу, чистая, никакой маскировки дефектов не требуется, их нет – повезло!

Румянца на этой белизне после мороза хватит своего, а для губ есть прозрачный блеск, свои вполне достаточны – силикон не нужен.

Ростом и фигурой в маму – невысокая и худая. Такой её и помню, сколько бы лет не было, оставалась тонкой и стройной, как девчонка.

В общем, спасибо родителям, вроде ничего особенного, но наследством своим довольна. Эх, мне бы одёжки немного и свободного времени, я бы такой красоткой могла предстать!

Ну да ладно, Костик передо мной тоже блеснул не в лучшие свои времена, уверена...

Я на работе. Как только приняла дела у предыдущей смены, забежав предварительно в буфет, с пакетом ватрушек отправляюсь к моему болящему. Как он там? Лапшу оставила к обеду, а сейчас чаем напою со свежей выпечкой.

Опять не дожидаясь лифта, взмываю до третьего этажа, минуя всё ту же Антонину, с которой мы регулярно совпадаем в одну смену, бросаю ей торопливое,

– Привет! – и скорей в триста третью.

А там дедуся со своей шейкой бедра и неиссякаемым потоком жалоб, и ещё пара мужичков на вытяжке. Тянут любопытные шеи в мою сторону. Один из них на Костиной койке! А его нет!..

Глава 16.

Неужели выгнали?! Где искать? Не зря душа не на месте была! Я – сволочь! Предала, бросила! Он не хотел отпускать! Как чувствовал!

Зубную щётку так не забыла с пастой взять! Лучше бы сама лишний раз провела! Кому она нужна теперь?

Выхожу из палаты, как прибитая, судя по обеспокоенной Антонине, на моём лице жирным шрифтом написано горе. В душе-то точно написано, а лицедей из меня ни к чёрту.

– Эй, Танюшка, своего викинга ищешь?

– Ага, – отмахиваюсь, какая теперь разница!

– Так его пришлось... – сердце пропускает удар, – в триста тридцать девятую перевести, поближе к туалету, – ух, не выгнали!

– Зачем? – недоумеваю, а сама бы уже рванула по коридору, – что у него, недержание?

– Да упрямство у твоего Константина! Прямо, царственная особа, можно подумать! – ворчит медсестра, а я так и не пойму,

– В, чём, дело-то?

– Так ноги же все перебинтованы, воспаление в разгаре! Куда ему вставать?! Дали судно, как у соседа, он ни в какую! Головой мотает и всё! Кривится, но встаёт и ползёт по стенке в уборную. От триста третьей далеко, пришлось выдать пачку бахил, чтобы на повязки надевал, и перевести поближе к туалету. Так ему и бахилы-то в натяг, хоть пакеты из супермаркета на ноги мотай! – я облегчённо выдыхаю, а Антонина продолжает, – Тань, ты бы поговорила с ним, чтобы в горшок ходил, пока ноги не подлечим!

Но я прекрасно понимаю, что это бесполезно, сразу вспоминается, как он с Никитичной за тряпку боролся, чтобы прикрыться, и решаю,

– Лучше, куплю пакетов в супермаркете, – уже на бегу в триста тридцать девятую!

Эта палата, насколько помню, самая последняя по коридору и самая маленькая всего на две койки. Тем лучше.

Замедляюсь перед закрытой дверью и, постучав тихонько, захожу.

Прямо перед собой на кровати вижу рыжего вихрастого подростка, судя по спелёнутой к туловищу руке, перелом ключицы, а слева от двери – мой таинственный знакомец. Взглядывает недоверчиво и даже вроде, немного отчуждённо, и я почему-то, робею.

– Привет! – весело откликается рыжик, принимая за ровесницу. Не удивил, многие, судя по виду, считают меня несовершеннолетней, – я – Лёха!

– А, я – Таня, – отвечаю рыжему, а сама на него и не гляжу,

– Привет, Костя!

– Ааа, – продолжает выручать сосед, – значит, Костя! А то он молчит всё время, я даже не знал, как обращаться!

Прохожу в палату к Константину,

– Ну, как ты? – он, по-прежнему напряжён. Кладу пакет с выпечкой на тумбу у окна, щётку с пастой тут же и, нагибаясь, целую в щёку. Она уже подёрнулась трёхдневной щетиной и немного колется. А мне кажется, это Костя превратился в колючего обиженного ёжика.

– Ну, так я побежал? – зачем-то спрашивает Лёха, про которого я, честно говоря, уже позабыла и лишь способна промычать,

– Угу, – потому что после моего неловкого поцелуя, Костя съезжает на край кровати, спуская ноги вниз и, упирается носом прямо мне в плечо. Волей-неволей, тянусь к его волосам и провожу рукой по голове. Хочу подсесть рядышком на край, но он, не поняв моего движения, думает, что отстранившись, собираюсь уйти, и сгребает своими огромными ручищами так, что оказываюсь в плотном кольце, и продолжает горячо дышать в плечо.

– Прости! – шепчу, потому что голос сейчас лишний, да и осипла вдруг моментально, – я не дождалась тогда. Тебя на перевязку забрали, а мне на автобус надо было. Я далеко живу. А потом пожар у соседей, и работа. У меня ещё одна работа, – я всё бормочу и не могу остановиться. Мне почему-то становится очень важно, необходимо объясниться и оправдаться перед чужим человеком, который вдруг стал совсем не чужим, – я ещё не ухожу, ты не бойся!

Он всё это время, не больно, но очень крепко сжимает меня в своих медвежьих лапах и сопит в плечо, так что рукав уже мокрый, а я испытываю настоящую необходимость взглянуть в его лицо, чтобы определить, он меня понимает или нет. И обхватив его большую голову, пробегаю ладонями по колючим щекам, а потом слегка приподнимаю подбородок. Взгляд!

Ни один мужчина не глядел на меня так! Впервые в жизни ощущаю себя красавицей, принцессой, богиней! Потому что в его одурманенных восторгом глазах читается такое счастье, что трудно передать словами! Не знаю, что он там понял, услышал из моих оправданий, но, похоже, прощена и похоже... сражена!

Глава 17.

Сражена признанием самой себе! Плюхаюсь рядом с Костей на кровать, и молчу. Теперь мы оба не в силах говорить: он-то понятно, а мне тоже сказать больше нечего. Наверное, моя физиономия – отражение Костиной, такая же дурная улыбка, которую нельзя укротить или спрятать, губы сами расплываются.

Представляю наш глупый вид, когда Лёха, заглянув в дверь,

– Я, это!.. – тут же затворяет её, и оттуда доносится, – точно, лишний!

Несвоевременное Лёхино вмешательство, однако, возвращает меня в реальность,

– Как ты? – спохватываюсь и стараюсь разглядеть изменения, произошедшие с моим подопечным за три дня отсутствия. И с удовлетворением замечаю, что они есть! Он явно посвежел, и щёки, кажется, не такие впалые, и подглазины тёмные стали меньше. Тело, что открыто в глубоком вырезе майки и руки очистились от расчёсов, – как ноги? Больно?

Мотает отрицательно головой, хотя всё по щиколотки умотано толстым слоем бинтов, кое-где пропитавшихся жёлтым фурацилином.

– Я тебе вагрушек принесла, – спохватываюсь, – ещё тёплые! Давай чай согрею? – уже поднимаюсь, чтобы включить чайник. Как здорово, что в этой палате он есть, – но Костя останавливает и утягивает за руку, чтобы вернулась на место. Не отпускает, подносит её к губам и начинает медленно и нежно целовать.

Никогда, даже в шутку, мне никто не целовал рук. А он уже во второй раз! Да, как! Моя крошечная ладошка утопает в его огромных ладонях, а он держит её словно хрупкую драгоценность обеими, и будто бы боится уронить или разбить. У него горячие руки, а губы!

Каждый поцелуй его мягких нежных трепетных губ, проникая сквозь поры моей кожи, сносит сознание куда-то в такие дебри необъяснимого счастья, что не в силах сообразить, где это я, и с чего бы?!

Никто меня сегодня ничем особенным не обрадовал и не подарил неожиданного подарка. Отчего же этот восторг в груди так невыносимо сладок?! Почему от этой нежности хочется смеяться и плакать одновременно? Отчего кажется, что цепочка медленных совершенно целомудренных поцелуев от ладони до запястья, перевернула мой мир и смысла равнодушный покой последних унылых времён ко всем чертям?

И почему так хочется, чтобы он никогда не останавливался, поднимаясь по руке всё выше и выше?!

В это время, как всегда в такие моменты, что-то происходит некстати. А именно санитарка с креслом-каталкой вкатывается, как на тройке, отчего я скорее забираю руку, а Костя очень нехотя её отдаёт,

– Это... Хватит миловаться, голубки! Пора на перевязку орлу! – вот и думай, голубком сначала окрестила и тут же повысила до орла! Мне становится смешно и весело, прыскаю в кулак и гляжу на Костю. И вижу впервые, как он расслабленно смеётся! Молча, но смеётся, отчего глаза его немного зажмуриваются, широкая задорная улыбка освещает красивое мужское лицо, и он смахивает ладонью незаметную слезинку в уголке глаза.

А ведь он красив! По-настоящему красив немного дикой природной мужской красотой! Ему щедро отпущено всего, что так необходимо настоящему мужчине, и роста, и мощи с лихвой, даже когда в нём, наверное, половина от нормального веса. Лицо благородное, черты правильные, вот поднальётся немного и вместо великомученика, преобразится в богатыря. А глаза – зеркало души, говорят, что там в её глубинах скрыта настоящая красота!

– И, чего застряли? – санитарке наша заминка совершенно не ясна, она при исполнении.

– Я отвезу! – успокаиваю.

– Ну, коли так, ладно, – соглашается, – вези, – и уходит.

А я понимаю, что меня на рабочем месте потеряли! Я же на минуточку отпросилась, а сама приросла тут, не оторвать. Начинаю волноваться,

– Давай-ка, поспешим! – подвожу кресло прямо к краю койки и стараюсь подставить для опоры своё плечо. Он с улыбкой выставляет ладонь вперёд и отрицательно мотает головой. Потом встаёт на ноги, на мгновение замечаю, как напрягается его лицо, а потом переносит тяжесть тела в кресло, ступни на подставку. И я делаю выдох. Оказывается, пока пересаживался, я забыла дышать!

Он тоже облегчённо выдыхает, и мы катим до перевязочной. Там я заглядываю в кабинет, но пока занимаются другим пациентом.

– Мне с тобой сходить? – понимаю, что пора в своё отделение, сто раз пора, и бросить его здесь не могу. Но он опять мотает отрицательно, – тогда, я побегу! Зайду теперь в обед, не скучай! – быстро чмокаю его в щёку и тороплюсь к лестнице, оглянувшись напоследок замечаю, как он, приложив ладонь к поцелую, блаженно смотрит вслед...

Глава 18.

В приёмнике в этот час естественно аврал, и по укоризненному взгляду старшей медсестры Ирины Геннадьевны, чётко понимаю, что обнаглела уже слишком,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.